

Е. Г. Водолазкин

ПРОТОПОП АВВАКУМ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Резюме

В статье демонстрируется сходство черт современной поэтики и поэтики средневековой, представителем которой являлся протопоп Аввакум. Анализируются приемы включения в авторский текст «чужого» текста, а также объем понятия «реальность» применительно к средневековым сочинениям и текстам Нового времени.

Ключевые слова: Аввакум, современная русская литература, древнерусская литература, литературный процесс, центонность, цитата, реальность, non-fiction

Evgeny G. Vodolazkin

ARCHPRIEST AVVAKUM AND THE MODERN LITERARY PROCESS

Abstract

The article demonstrates the similarity of some features of modern and medieval poetics, the latter being represented in the writings of Archpriest Avvakum. Vodolazkin analyzes methods of incorporating an "alien" text into an author's text and the scope of the concept of "reality" in relation to medieval and modern texts.

Keywords: Avvakum, modern Russian literature, Old Russian literature, literary process, cento style, quotation, reality, non-fiction

DOI 10.31860/2712-7591-2020-4-18-25

© Е. Г. Водолазкин, 2020

Название этой статьи предполагает сопоставление. Сопоставление же, в свою очередь, подразумевает некое сходство, которое в данном случае неочевидно. Различия эстетической системы, к которой принадлежал протопоп Аввакум, и той системы, в которой существуют нынешние авторы, вроде бы бесспорны. Тем не менее, на мой взгляд, эти явления не так далеки друг от друга, как это может казаться.

Начну с частного примера, иллюстрирующего сближение современных текстов со средневековыми. Касается он работы авторов с источниками. Литература современная, подобно средневековой, цитатна. Для Средневековья это естественно, как дыхание. Текст в определенном смысле был имманентен событию, являлся его неотделимой частью. Применительно к Средневековью речь идет о своего рода языке цитат, который опознавался и был обращением к области сакрального, чаще всего — к Священному Писанию. Цитатность современная другого порядка. В секуляризованном мире идут отсылки к совокупности литературных текстов.

И средневековые, и современные тексты используют два основных способа инкорпорирования «чужих» текстов. Первый — это переписывание, предполагающее сохранение внутренней структуры текста, что соответствует современному понятию «цитата». Второй способ — пересказ.

Основной принцип использования «чужого» слова в Новое время — это включение в «свой» текст того, что «на слуху». Такой способ отношения к источникам характеризует прежде всего тексты постмодернизма. Есть здесь, однако, и свои исключения. Например, не понятое критиками дословное использование Михаилом Шишкиным нескольких страниц воспоминаний Веры Пановой «Мое и только мое» — см.: [Танков].

В Средневековье речь по преимуществу идет как раз о дословном включении «чужого» текста в авторский. Это, как правило, нарративные тексты — например, летописи, хронографы, жития. В отношении текстов другого рода нередко цитирование по памяти. Это касается прежде всего библейских цитат (в частности, Псалтири). Непосредственным источником их является текст, звучащий на богослужении.

Особенность сочинений протопопа Аввакума состоит в том, что значительное место в них занимают источники, приводимые им по памяти. Молясь об отпущении покойному его греха, Аввакум и архиепископ Сибирский Симеон «*прильжне Божеству стужали об нем*» [Понырко, с. 59]¹. Это примечательное выражение использовано в Житии еще раз — в рассказе о бесноватом Феодоре: «И я в дому своем держалъ мѣсяца з два, *стужалъ*

¹ Здесь и далее в цитатах курсив мой. — Е. В.

об немъ Божеству, в церковь водил и масломъ освятил, — и помиловал Богъ: здравъ бысть и умъ исцелѣ» [Понырко, с. 94]. При этом использование протопопом Аввакумом выражения «стужати Божеству» Житием не исчерпывается.

В приведенных фрагментах говорится о «стужании» (т. е. о досаждении, «докучании»)² Богу, причем о «докучании», вызванном вполне определенными обстоятельствами. Речь в этих случаях идет преимущественно о ходатайстве за людей, совершивших грех: в их отношении только и остается, что дерзновенно *докучать* Богу, поскольку свое наказание они получили справедливо.

В свое время я показал, что источник этой литературной формулы — нарративный текст, а именно византийское «Сказание о посмертном прощении императора Феофила», бытовавшее на Руси в составе ряда памятников, в частности, в Летописце Еллинском и Римском Второй редакции [Водолазкин]³. Оно рассказывает о том, как по смерти императора-иконоборца Феофила его вдова императрица Феодора решила спасти мужа от вечной муки. Она просит о духовной поддержке патриарха Мефодия, и в конце концов он мольбам императрицы уступает. В пятницу первой недели Великого поста патриарх видит ангела, говорящего ему: «Услышася моление твое, о епискупе, и милость получи царь Феофилъ, не уже бо ктому достужаи о сем Божеству» [Летописец 2, с. 451].

Следует предположить, что источник Аввакума не был хронографическим. Хронографы не принадлежали к текстам, цитировавшимся по памяти, а именно о таком цитировании идет, судя по всему, в данном случае речь. Гораздо более вероятным представляется, что источником протопопа мог быть текст, рассчитанный на устное воспроизведение, — Синаксарь Постной триоды. Там Сказание о Феофиле отнесено к воскресенью Торжества Православия, приходящемуся на первую неделю Великого поста.

Предположение о Постной триоды как источнике Аввакума подтверждает фрагмент его письма боярыне Морозовой, княгине Урусовой и Марии Даниловой. В этом письме, помимо указанного топоса, упоминается император

² Словари фиксируют несколько значений глагола «стужати». В рассматриваемом нами случае он использован в значении «досаждать, докучать», см.: [Словарь, с. 210–211]. Примечательно, что Аввакум использовал в своих текстах еще одно — сходное — выражение, в котором слово «стужати» заменено на «досаждати». Так, в упомянутом «Послании к некоему Ионе», говоря о том, что нельзя молиться с «еретиками», Аввакум замечает: «Аще и въ еретическомъ храмѣ обрящеши святую икону, павъ предъ нею, поклонися, а на соборѣ еретикъ никакоже съ ними молитися не подобаетъ; злохулять бо, сходяся, Божеству досаждая» [Бороздин, с. 21].

³ О его источниках см.: [Медведев, с. 41–42; Летописец 2, с. 170–173; Тамаркина, с. 165–171].

Траян: «Григорей о Троянѣ, о мучители, помолися — ино отдали. Сказал же ему Христось: „Опять, де, *не моли мнѣ о таковыхъ, не стужай*“, а одно-ко-таки отдалъ, милостивый Богъ» [Послание, с. 220].

Но Феофил и Траян оказались соединены не только в памяти Аввакума — они соседствуют и в тексте, который читается опять-таки в Постной триоди. Речь идет о синаксарном чтении в субботу мясопустную, посвященную поминовению усопших⁴. Таким образом, даже хронографический по происхождению текст приводится, подобно другим звучащим текстам, по памяти.

Когда говорят о цитатности и центонности литературы постмодернизма, имеют в виду именно такой способ заимствования. Это, повторяю, лишь одно из частных совпадений приемов работы Аввакума с приемами работы авторов новейшей литературы.

На самом деле можно говорить о более глубоких переключках средневековых и современных текстов. Хорошо известно, что многие медиевисты избегают термина «литература» применительно к Средневековью. Они предпочитают определять средневековые памятники как «письменность» или «книжность». В этом есть свой смысл.

Слово «литература» обозначает в первую очередь сочинения Нового времени, обладающие рядом особенностей, которые отличают их от средневековых памятников. Современная литература — это, по преимуществу, литература вымысла, в то время как Средневековье отрицало вымысел, рассматривая его как ложь. Средневековье было временем огромного этического напряжения, которое в Новое время ослабело.

Разумеется, этические проблемы решаются и писателями Нового времени, но, за редкими исключениями, это не литература реального факта, а литература вымысла. Вымысел не является необходимым качеством современной поэтики, но в произведениях Нового времени он почти всегда присутствует.

Принято считать, что средневековые тексты ставят перед собой прагматические задачи: они имеют вполне конкретную цель и пишутся по определенным канонам. В предваряющей Житие протопопа Аввакума записи инок Епифаний говорит об этих целях совершенно определенно: «Много-страдальный юзникъ темничной, горемыка, нужетерпецъ, исповѣдникъ Христовъ священнопротопопъ Аввакум понужен бысть житие свое написати отцемъ его духовным иноком Епифаниемъ, *да не забьвению предано будетъ дѣло Божие*» [Понырко, с. 45].

⁴ См. об этом: [Водолазкин, с. 409].

Продолжая Епифания, Аввакум использует авторскую топику: «Все- святая Троице, Боже и Содѣтелю всего мира, поспѣши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дѣлы благими, ихже нынѣ хошу глаголати аз, недостойный. Разумѣя же свое невѣжество, припадая, молю ти ся, и еже от тебя помощи прося: Господи, управи умъ мой и утверди сердце мое не о глаголании устен стужати си, но приготовитися на творение добрых дѣлъ, яже глаголю, да, добрыми дѣлы просвѣщенъ, на Судищи десныя ти страны причастник буду со всѣми избранными твоими» [Понырко, с. 45].

Нравственная цель недвусмысленно противопоставляется автором цели эстетической («не о глаголании устен стужати си, но приготовитися на творение добрых дѣлъ»). По слову А. Н. Робинсона, исповедь Аввакума является его проповедью [Робинсон]. В такой ситуации ничто так не удостоверяет истинность высказываемых положений, как реальность описываемых событий.

Можно ли сказать, что литература Нового времени не связана с реальностью? Нет: то, что мы видим в текстах Нового времени, допустимо определить как *условную реальность*. Когда речь идет о вымысле, мы не предполагаем, что все без исключения описанные события придуманы. Вымысел, как правило, строится на том, что события из одного времени и места переносятся в другое время и место. Даже такой яркий автор, как Лесков, называл себя скорее счастливым собирателем сюжетов, чем их выдумвателем. Таким образом, Новое время не отменило реальность — оно лишь преобразовало ее и сделало условной.

Собственно, это тяготение к реальности и родило в свое время реализм, который, если разобраться, имеет к действительности не больше отношения, чем остальные великие стили. Даже в «реалистических» произведениях Нового времени сюжеты были придуманными, а само обозначение стиля говорило лишь о правдоподобии типическом и вовсе не утверждало, что описываемые события имели место в действительности. Иными словами, реализм подразумевал возможность события, но не его реальное существование.

Между тем средневековая граница между реальным и нереальным пролегла совсем в другом месте. Реальными признавались те события, в которые читатель Нового времени вряд ли бы поверил. Это касается прежде всего сферы чудесного. В глазах средневекового человека чудесное располагалось на территории реального. Так, в Житии Аввакума протопопу, находящемуся в «темной полатке», некто («не вѣм — человек, не вѣм — ангел») «лошку в руки даль и хлѣбца немношко, и штец дал похлевать» [Понырко, с. 57]. Когда же он исчез, не открывая дверей, автор замечает, что только для человека это было бы странно, а «ангелу ино вѣзде не загорожено». Мучимому

жаждой Аввакуму на льду промерзшего озера дается вода: «Затрѣщаль лед яко гром ⟨...⟩ а мнѣ оставил Богъ пролубку» [Понырко, с. 75]. В другом случае с него сами спадают цепи и перед узником отворяется дверь.

Если средневековый человек отказывал в реальности тому, чего *не было*, то современный — тому, чего, в его представлении, не могло быть. При таком положении вещей вряд ли можно считать, что современная литература стоит ближе к реальности, чем средневековая книжность. Реальность средневековая абсолютна, потому что это — бывшее, реальность же Нового времени условна, поскольку лежит в сфере возможного.

В свое время А. И. Солженицын обратился к Д. С. Лихачеву с просьбой составить для него список древнерусских текстов, которые способны были бы расширить его, Солженицына, писательские возможности. Первым в этом списке Дмитрий Сергеевич поставил Житие протопопа Аввакума.

Я думаю, интерес Солженицына к средневековым текстам был вызван не только поиском новых технических приемов. В неменьшей степени Александра Исаевича привлекало в них отсутствие границы между литературой и жизнью — то, к чему в жизни и творчестве пришел и он сам. Жизнь становилась литературой, а литература — жизнью. В одном из интервью Иосиф Бродский пронизательно говорит о том, что в случае Солженицына «литература поглощена тем, что он рассказывает». Он «использует литературу, стремясь к древней, первоначальной ее цели — рассказать историю. И делая это, он ⟨...⟩ невольно раздвигает пространство и рамки литературы» [Бродский, с. 12].

На определенном этапе эта условная реальность стала литературу тяготить. Ей, литературе, неожиданным образом захотелось оперировать реальностью безусловной. Всё более популярным становится жанр псевдомемуаров, когда повествование ведется как бы от лица автора, хотя описываемые события не вполне достоверны и описываются всякий раз по-разному. Здесь я имею в виду творчество Сергея Довлатова, Эдуарда Лимонова, Валерия Попова, Андрея Аствацатурова, Германа Садулаева, Павла Крусанова и некоторых других современных авторов.

Это не автобиографическая проза в привычном понимании, которая существовала всегда. Здесь можно вспомнить Льва Толстого, Владимира Набокова, Константина Паустовского, чья проза вроде бы не предусматривала сомнений в реальности описанных событий. Современные псевдобιοграфические тексты на своей абсолютной реальности не настаивают: их «автобиографичность» вызвана стремлением получить дополнительный энергетический импульс, которым обладает всякая реальная биография. Литература начала стесняться своей литературности.

Если брать нынешнюю печатную продукцию широко, то в последние десятилетия мы наблюдаем расцвет так называемой литературы *non-fiction*, знаменующей собой радикальный поворот к реальности. В этих условиях Житие протоппа Аввакума становится одним из важнейших образцов того, как надо писать.

Литература

- Бороздин — *Бороздин А. К.* Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. 2-е изд., доп. и испр. СПб.: А. С. Суворин, 1900. XX, 320, 175 с.
- Бродский — *Иосиф Бродский*. Большая книга интервью / Сост. В. Полухиной. М.: Захаров, 2000. 702 с.
- Водолазкин — *Водолазкин Е. Г.* О «стужающих Божеству» // ТОДРЛ. СПб.: Росток, 2016. Т. 64. С. 406–409.
- Летописец 1 — Летописец Еллинский и Римский. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1: Текст / Осн. список подгот. О. В. Твороговым и С. А. Давыдовой; вступ. ст., археогр. обзор и критич. аппарат изд. подгот. О. В. Твороговым. 512 с.
- Летописец 2 — Летописец Еллинский и Римский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. Т. 2: Комментарий. Исследование. Указатели / Коммент. и исслед. О. В. Творогова. 270 с.
- Медведев — *Медведев И. П.* Заметки на полях одной недавно опубликованной книги // Византийские очерки: Труды российских ученых к XX Междунар. конгрессу византинистов / Под ред. Г. Г. Литаврина и И. С. Чичурова. СПб.: Алетейя, 2001. С. 39–44.
- Понырко — *Понырко Н. В.* Три жития — три жизни: Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова: Тексты, статьи, комментарии. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. 296 с.
- Послание — Послание боярыне Ф. П. Морозовой, княгине Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой / Подгот. текста и коммент. Н. С. Демковой // БЛДР. СПб.: Наука, 2013. Т. 17. С. 218–221, 577–578.
- Робинсон — *Робинсон А. Н.* Исповедь — проповедь (о художественности «Жития» Аввакума) // Историко-филологические исследования: Сб. ст. к 75-летию академика Н. И. Конрада. М.: Наука, ГРВЛ, 1967. С. 358–370.
- Словарь — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 2008. Вып. 28. 303 с.
- Тамаркина — *Тамаркина И. В.* Источники «Сказания о посмертном прощении императора Феофила» в древнерусских хронографических сводах // Афиногенов Д. Е. Повесть о прощении императора Феофила и Торжество Православия. М.: Индрик, 2003. Приложение IV. С. 165–171. (Scrinium Philocalicum; Т. 4, аев. 10).
- Танков — *Танков А.* Шествие переперщиков // Литературная газета. 2006. № 11/12 (6063), 22–26 марта.

References

- Borozdin, A. K. (1900). *Protopop Avvakum: Ocherk iz istorii umstvennoi zhizni russkogo obshchestva v XVII veke*. St. Petersburg: Izdatel'stvo A. S. Suvorina. XX, 320, 175 p.
- Brodskii, I. (2000). *Bol'shaya kniga interv'yu*. Moscow: Zaharov. 702 p.

- Demkova, N. S., ed. (2013). 'Poslanie boyaryne F. P. Morozovoi, knyagine E. P. Urusovoi i M. G. Danilovoi', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. St. Petersburg: Nauka. Vol. 17, 218–221, 577–578.
- Medvedev, I. P. (2001) 'Zametki na polyakh odnoi nedavno opublikovannoi knigi', in: Litavrina, G. G., Chichurova, I. S., eds. *Vizantiyskie ocherki: Trudy rossiyskikh uchenykh k XX mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov*. St. Petersburg: Aleteiya, 39–44.
- Ponyrko, N. V. (2010). *Tri zhitija — tri zhizni. Protopop Avvakum, inok Epifanii, boyarynya Morozova*: Teksty, stat'i, kommentarii. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom". 296 p.
- Robinson, A. N. (1967). 'Ispoved' — propoved' (o khudozhestvennosti "Zhitiya" Avvakuma)', in: *Istoriko-filologicheskie issledovaniya: Sbornik statei k semidesyatipyatiletiyu akademika N. I. Konrada*. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 358–370.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov (2008). Moscow: Nauka. Vol. 28. 303 p.
- Tamarkina, I. V. (2003). 'Istochniki "Skazaniya o posmertnom proshchenii imperatora Feofila" v drevnerusskikh khronograficheskikh svodakh', in: Afinogenov, D. E. *Povest' o proshchenii imperatora Feofila i Torzhestvo Pravoslaviya*. Moscow: Indrik. 192 p. Prilozhenie IV, 165–171. (Scrinium Philocalicum; Vol. 4, aev. X).
- Tankov, A. (2006). 'Shestvie pereperschikov', *Literaturnaya gazeta*, 11/12 (6063), 22–28.03.
- Tvorogov, O. V., Davydova, S. A., eds. (1999). *Letopisets Ellinskii i Rimskii*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1: Tekst. 512 p.
- Tvorogov, O. V., ed. (2001). *Letopisets Ellinskii i Rimskii*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 2: Kommentarii. Issledovanie. Ukazateli. 270 p.
- Vodolazkin, E. G. (2016). 'O "stuzhayushchikh Bozhestvu"', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. St. Petersburg: Rostok. Vol. 64, 406–409.